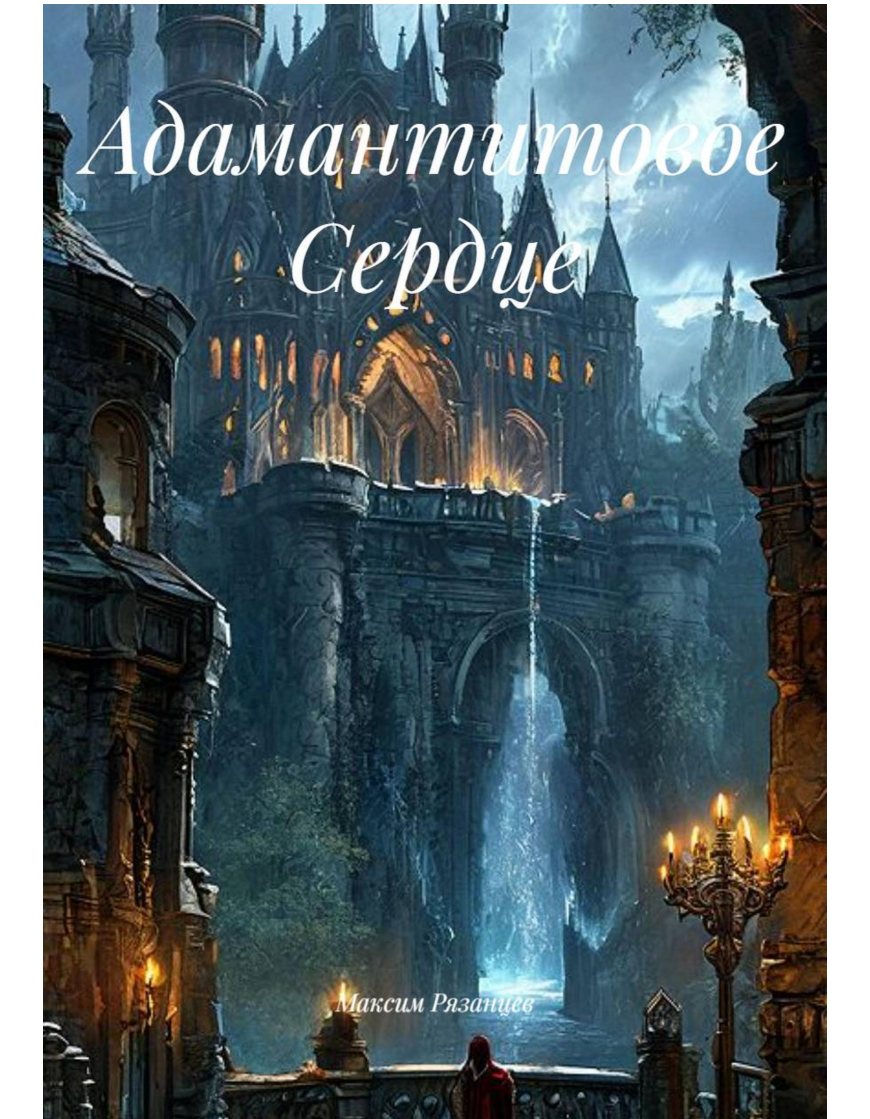

Адамантистовое Сердце

Максим Рязанцев

Максим Рязанцев

Адамантитовое Сердце

<https://litres.ru/74387369>

SelfPub; 2026

Аннотация

Беженка Элина ждала смерти в проклятом замке. Вместо неё она нашла Властелина Ночи — бессмертного воина с адамантитовым сердцем вместо живого. Её кровь способна разбить проклятие. Цена — жизнь. Она погибает у него на руках. Впервые за тысячу лет он плачет. А затем уходит за ней — навсегда.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	10
Глава 3	17
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Адамантитовое Сердце

«Говорят, что камень можно растопить теплом. Но никто не предупреждал, что, растопив его, ты сожжёшь себя дотла. И тогда он останется один — с живым сердцем, которое бьётся ровно до тех пор, пока он не решит, что биться больше незначем».

Р.М.В.

Глава 1

Пепел всё ещё пах войной.

Элина сбила ноги ещё три дня назад, но продолжала идти, потому что остановиться означало умереть. Людские земли горели. Северные форты пали, южные ворота захлебнулись кровью ещё до рассвета. Она не знала, кто напал первым — армия короля-предателя или твари из Рвущейся Бездны. Какая теперь разница?

Главное — она бежала. Просто бежала, пока подошвы её сапог не стёрлись в тонкую кожу, а лёгкие не начали разрываться от горького воздуха.

— Ещё немного, — прошептала она, хватаясь за острый выступ скалы. — Там будет лес. Убежище.

Но вместо леса впереди разверзлась пропасть.

Элина замерла на краю обрыва, раскинув руки, чтобы не

упасть. Внизу, в миле от её ног, бесновалось Северное море — чёрное, маслянистое, с барашками пены, похожими на оскаленные зубы. Скалы здесь были не просто дикими — они казались *неестественными*. Словно кто-то гигантский воткнул в землю десятки каменных клыков, пытаясь остановить само время.

И между ними, на самом большом утёсе, стоял он.

Замок.

Элина слышала о нём. Конечно, слышала. В детстве няньки пугали её «Спящим Принцем», когда она отказывалась запира́ть ставни на ночь. В лагерях беженцев старики шёпотом называли это место *Костяным Троном*. Говорили, что оттуда не возвращаются даже ветра.

Замок вздымался к небу, словно сложенный из рёбер доисторического зверя. Чёрный камень, лишённый всякого света, поглощал даже лунное сияние. Башни кренились под неестественными углами, а вместо ворот зияла глубокая арка, похожая на раскрытую пасть.

Элина должна была развернуться. Она знала это.

Но за её спиной были охотничьи псы мародёров. Она слышала их лай ещё час назад — с юга, со стороны сожжённой деревни. Там, где она оставила тела родителей, потому что не успела их похоронить.

Смерть от зубов бешеных псов и рук дезертиров.

Или смерть в проклятом замке, где, согласно легендам, обитало нечто, что забыло само понятие смерти.

— Выбор дурака, — прошептала Элина и шагнула вперёд.

Каменный мост, соединяющий утёс с замком, оказался на удивление прочным. Ни одной трещины, ни одного мха. Казалось, его отполировали миллионы шагов, хотя ни один здравомыслящий человек не ступал сюда тысячу лет.

Внутри арки ворот было темно, как в зрачке мертвеца.

Элина вытащила последнюю спичку — единственное, что осталось от отцовской зажигалки. Жёлтый огонёк чиркнул, осветив на мгновение высокий сводчатый потолок и колонны, уходящие в вечную тьму.

А потом что-то щёлкнуло.

Не эхо, не камень. Механизм. Элина замерла, спичка выпала из дрожащих пальцев, и мир снова погрузился в чернильную тьму.

— Кто здесь? — голос её прозвучал жалкой писклей мыши. — У меня есть есть нож.

Ложь. Нож она потеряла, когда переплывала ледяной ручей, спасаясь от псов.

Тишина. Такая плотная, что Элина услышала, как бешено колотится её собственное сердце. Оно стучало где-то в горле, в висках, в кончиках пальцев — везде, кроме груди. Там, под рёбрами, была зияющая пустота чистого, животного страха.

А затем тишина *сдвинулась*.

Элина не услышала шагов — она ощутила их. Лёгкое давление на камне, изменение воздушного потока. Рядом с ней, в трёх футах, кто-то стоял. Кто-то, кто не дышал.

— Храбрость или глупость? — голос прозвучал словно из чрева самой скалы. Низкий, резонирующий, с обертоном старого металла. — Впрочем, для умирающих это одно и то же.

Элина хотела ответить, но не смогла выдать ни звука. Только зажмурилась из последнего человеческого рефлекса — если не вижу опасности, то и её нет.

— Открой глаза.

Приказ был мягким, но абсолютным. Как течение реки или движение луны.

Она повиновалась.

И увидела *его*.

Властелин Ночи стоял перед ней в трёх шагах, но казался одновременно и далёким, как горизонт, и огромным, как сама гора, на которой стоял замок. Высокий — локоть Элины едва доставал бы до его пояса. Белые волосы падали на плечи волной, такой неестественно-чистой в этом царстве пыли и пепла, что на миг ослепили. Лицо лицо было прекрасным той страшной красотой, которой обладают ледяные изваяния или мечи перед боем. Ни одной морщины, ни единого изъяна. И глаза — два уголька, в которых давно прогорел последний костёр.

Но самое страшное находилось у неё на уровне взгляда.

Его грудь.

Белая рубаша была расстёгнута, и в разрезе тускло мерцал **камень**. Адамантит — металл древних, который не ржавел

и не трескался. Только этот кусок не был доспехом или оружием. Он был *имплантирован*. Прямо в грудную клетку, туда, где у живых существ бьётся сердце.

Камень пульсировал. Не кровью — синим, холодным светом. Как маяк на границе миров.

— Твоё сердце — выдохнула Элина, забыв о страхе перед смертью.

— Давно уже нет, — бескровные губы вампира изогнулись в подобии улыбки. — А вот твоё я слышу за милю. Оно бьётся в такт страху. Знаешь, как это раздражает?

Он шагнул ближе. Один шаг, и Элина почувствовала холод, исходящий от его тела — не физический, а *душевный*. Такой холод исходит от старых могил, которые перестали ждать воскрешения.

— Что ты здесь ищешь, смертная? — спросил он, наклоня голову. — Убежища? Смерти?

— Немногого, — выдавила Элина, и впервые за всю ночь её голос не дрогнул. — Места, где можно спрятаться от волков.

Вампир замер.

А затем... рассмеялся. Тихо, беззвучно, одной лишь тенью смеха. Но в этом звуке Элине слышалось нечто странное — боль.

— Волки, — повторил он, проведя пальцем по своему адамантитовому сердцу. Остриё ногтя оставило на металле искру. — Дитя, ты только что сама забежала в логово зверя

пострашнее любых волков.

Он протянул руку. Ледяные пальцы легли на подбородок Элины, запрокидывая её лицо вверх. Она взглянула в его глаза — те самые угольки — и увидела там не жестокость. Пустоту. Долгую, выжженную болью пустоту тысячелетия.

— Ты будешь моей гостьей, — сказал он так, словно подписывал приговор. — Ровно до тех пор, пока твой страх не перестанет быть мне интересен.

Он отпустил её, развернулся и пошёл в глубь замка. Его шаги не издавали ни звука.

Элина осталась стоять, дрожа, сжимая кулаки так сильно, что ногти впились в ладони. Сердце её колотилось где-то у горла. А на холодном каменном полу меж тем прорастал первый лучик лунного света — луна наконец вышла из-за туч, осветив старый, выщербленный временем камень.

И ещё кое-что.

Тень, которую вампир отбрасывал на стену, была слишком велика для его тела. Гораздо больше. И в ней угадывались очертания не человека — крылья.

Элина поняла, что плакать разучилась где-то по дороге сюда. Но сейчас ей почему-то захотелось заплакать.

Потому что она только что оставила одну войну — и нашла другую.

Глава 2

Элина стояла одна в огромном зале, и тишина давила на уши.

Он ушёл. Растворился во тьме бесшумно, как дым. Даже дыхания не осталось — только холод, который он принёс с собой, всё ещё висел в воздухе, оседая на коже липкой изморозью.

Она перевела дух. Сердце всё ещё колотилось, но страх начинал уступать место другому чувству — любопытству. *Он не убил её. Не прогнал. Сказал, что она гостья. Что это значит?*

Элина сделала шаг вперёд и тотчас же наступила на что-то острое.

Она вскрикнула, отпрыгнула. На полу, там, где она стояла, лежала роза. Но не живая. Металлическая — выкованная из тончайших пластин адамантита, того самого камня, что мерцал в груди вампира. Лепестки, острые как бритвы, складывались в бутон, который никогда не раскроется. Шипы на стебле блестели маслянисто, словно их только что окунули в кровь.

Элина замерла. Розы не было секунду назад. Она появилась из ниоткуда.

— Не трогай.

Голос раздался совсем рядом. Она обернулась — он сто-

ял в трёх шагах, привалившись плечом к колонне. Она не слышала, как он вернулся. Не слышала вообще ничего — он двигался как призрак.

— Это подарок? — спросила она, стараясь, чтобы голос не дрожал. — Или предупреждение?

Азраэль не ответил. Он смотрел на розу так, будто видел её впервые. Или будто она принадлежала не ему, а кому-то другому.

— Это память, — наконец сказал он. — Мой брат подарил мне эту розу в ночь, когда я перестал быть человеком. Он тогда ещё умел шутить.

— А что с ним стало?

Вампир перевёл взгляд на свои пальцы — длинные, с идеальными ногтями, похожими на когти. Потом посмотрел сквозь Элину, туда, где за стенами замка билось море.

— А что с твоими родителями? — спросил он вдруг.

Элина вздрогнула. Откуда он знает? Она ничего не говорила.

— Откуда

— Ты пахнешь пеплом и трауром, — перебил он. — От тебя за милю несёт смертью. Не той, что ты боишься. Той, которую ты уже пережила.

Она сжала кулаки, чтобы не разреветься. *Не сейчас. Не при нём.*

— Война забрала их, — сказала она глухо. — Как и всех.

— Война, — повторил он, и в голосе слышалась усмешка.

ка. — Люди всегда винят войну. Будто она приходит сама, без помощи человеческих рук.

— А что ты знаешь о людях? — огрызнулась Элина, и тут же испугалась собственной дерзости. — Ты же спишь веками. Ты не видел, что там творится.

Азраэль медленно наклонил голову, и в его потухших глазах мелькнуло что-то — может быть, удивление.

— Я видел достаточно. И знаю одно: люди умирают быстро. А ты, — он шагнул ближе, и воздух похолодел, — ты умрёшь ещё быстрее, если не скажешь правду.

— Какую правду?

— Зачем ты пришла сюда на самом деле?

Элина хотела снова сказать про войну, про беженцев, но слова застряли в горле. Потому что он был прав. Она свернула с дороги. Выбрала этот путь. Не ноги — что-то другое вело её, какой-то зов, который она не могла объяснить.

— Я не знаю, — прошептала она. — Честно. Я просто шла. А потом оказалась здесь.

— Это хуже, — сказал он и отвернулся. — Проклятие само выбрало тебя. Ты не нашла замок. Замок нашёл тебя.

Он пошёл прочь, и Элина, сама не зная зачем, бросилась за ним.

— Подожди! Объясни! Что значит «проклятие выбрало»? Я не хочу здесь быть! Я хочу уйти!

Он резко остановился и обернулся так быстро, что она налетела на него. Ледяные пальцы схватили её за запястье, и

она почувствовала, как холод проникает под кожу, добираться до костей.

— Хочешь уйти? — спросил он тихо, почти шёпотом. — Выйди за порог. Я не держу тебя. Но учти: за стенами замка — волки. И не те, что воют в лесу. Те, что ходят на двух ногах и убивают за горсть монет. Ты хочешь к ним?

Она попыталась вырвать руку — бесполезно.

— Тогда что мне делать? — прошептала она.

— Остаться. Жить. Пока я не решу, что делать с тобой дальше.

Он отпустил её и пошёл по коридору, не оглядываясь.

Элина стояла, глядя ему в спину. Её запястье горело от холода, но внутри, где-то в груди, вдруг вспыхнула странная, отчаянная злость. *Он считает её слабой. Жертвой. Игрушкой проклятия.*

— Я не умру здесь! — крикнула она вдогонку. — Слышишь? Я не для того спаслась от войны!

Он не обернулся. Но на мгновение его шаги замедлились.

А потом он исчез за поворотом, и она осталась одна в коридоре, где стены мерцали бледным фосфоресцирующим светом, а воздух пах древностью и смертью.

Элина побрела в противоположную сторону. Вверх по лестнице, через анфилады пустых комнат, мимо портретов с пустыми глазницами, которые, ей казалось, следили за ней. Она не знала, куда идёт, — просто хотела найти место, где можно перевести дух.

И нашла.

Небольшая комната в восточной башне. Кровать с балдахинном, покрытая паутиной, но без пыли. Стол, стул, сундук. И на стене — зеркало.

Элина подошла к нему, чтобы поправить волосы. И замерла.

В отражении стояла не она.

Та же девушка. Те же растрёпанные косы, тот же разорванный плащ. Но глаза были **чёрными**. Целиком чёрными, без белков. И губы шевелились, произнося слова, которые она не слышала ушами, но понимала сердцем.

— *Ты уже мёртвая. Просто ещё не знаешь.*

Элина отшатнулась. Зеркало треснуло — длинная змеиная трещина разделила её лицо на две половины. По стеклу побежали паутинки, и в них, в этих трещинах, ей почудилось движение. Тени. Сотни теней, которые тянули к ней руки с длинными пальцами.

Она закричала.

И в тот же миг дверь распахнулась.

На пороге стоял Азраэль. Впервые за всё время его лицо не было каменным — на нём застыло выражение, которое она не могла прочесть. Не страх. Он не умел бояться.

Узнавание.

— Проклятие, — выдохнул он. — Оно выбрало тебя не случайно. Ты — не первая.

— Кто я? — прошептала Элина, прижимаясь спиной к

стене.

Азраэль шагнул в комнату, и зеркало треснуло ещё сильнее. Осколки посыпались на пол, звеня как колокольчики.

Он не ответил. Только закрыл дверь — и Элина услышала, как поворачивается ключ в замке.

Снаружи.

Он запер её.

— Ты будешь в безопасности, — сказал он через дерево. — От замка. От теней. От себя самой. Но когда я вернусь ты расскажешь мне всё. Что ты видела в детстве. Какие сны тебе снились. Кто звал тебя сюда.

— Откуда мне знать? — крикнула она, ударив кулаком в дверь.

— Знаешь, — его голос стал тише, почти беззвучным. — Просто боишься признаться. Как и все до тебя.

Шаги удалились.

Элина осталась одна — с разбитым зеркалом, рассыпанными осколками и сердцем, которое колотилось где-то в горле.

Она подошла к стене и медленно сползла по ней на пол. Собралась с мыслями. И вдруг вспомнила.

Сны.

Она видела их всё детство. Один и тот же сон: тёмный зал, каменный трон, и кто-то сидит на нём, повернувшись спиной. Она никогда не видела его лица. Но всегда чувствовала — он ждёт.

И теперь она знала, кто это был.

Он ждал тысячу лет.

И она пришла.

Глава 3

Ночь в замке не кончалась.

Элина сидела на полу, прижавшись спиной к холодной стене, и смотрела на разбитое зеркало. Осколки блестели в тусклом свете — в каждом из них отражался кусочек её лица. Сотни маленьких Элин смотрели на неё пустыми глазами.

Ты уже мёртвая. Просто ещё не знаешь.

Она закрыла глаза. Вдох. Выдох. Сердце постепенно успокаивалось, но внутри, где-то под рёбрами, разрастался холод. Не тот, что шёл от вампира. Другой — липкий, вязкий, похожий на страх, который она носила в себе всю жизнь.

Сны. Она видела их с детства. Один и тот же сон: тронный зал, каменная фигура, повернутая к ней спиной. И голос. Без слов. Просто ощущение — «иди сюда».

Она всегда думала, что это просто кошмары. Детские страхи после сказок нянек. Но теперь...

Он ждал тысячу лет. И она пришла.

— Нет, — прошептала она в пустоту. — Это не я выбрала. Это замок. Он сказал — проклятие само выбрало.

Но голос в голове шептал другое: *Ты свернула с дороги. Ты выбрала эту тропу. Не ноги — ты.*

В дверь постучали.

Один раз. Второй.

Элина замерла. Сердце пропустило удар.

Третий стук не прозвучал.

Она медленно поднялась, подошла к двери, приложила ухо к дереву. Тишина. Только сквозняк шевелил волосы у виска. А потом — звук. Едва слышный, похожий на царапание. Кто-то водил ногтем по камню с той стороны.

Элина отшатнулась. Дверь была заперта, но щель внизу — достаточно широкая, чтобы просунуть руку. Или чтобы увидеть тень.

Она опустила глаза.

Под дверью мелькнула чья-то тень. Длинная, неестественно тонкая. С пальцами, которые были слишком длинными даже для вампира.

Тень замерла. А потом из-под двери, в щель, просочился свет — серебристый, холодный. В этом свете она увидела, как тень подняла руку и медленно, с угрозой, помахала ей.

Элина не закричала. Она просто затаила дыхание, вжавшись в стену, и смотрела, как тень исчезает так же внезапно, как появилась. На полу остался только клочок света — и сухой кленовый лист.

В замке, где не было ни одного дерева.

Она не спала до утра. Или до того, что здесь называлось утром — когда тьма за окном стала не чернильной, а серой, как пепел.

Дверь открылась без стука. На пороге стоял Азраэль. Он выглядел так же — белый, неподвижный, с глазами-угольками. В руках — поднос с едой: хлеб, вода, миска горячей ка-

ши.

— Ешь, — сказал он и поставил поднос на стол. — Потом выйдешь.

— Что это была за тень? — спросила Элина, не двигаясь с места. — Под дверью. С длинными пальцами.

Он не ответил. Но в его взгляде мелькнуло что-то — тревога? Или снова узнавание?

— Ешь, — повторил он и вышел, оставив дверь открытой.

Элина подождала, пока шаги стихнут, потом подошла к столу. Еда была горячей — значит, он умеет пользоваться печью. Станный вампир, который приносит завтрак. Станный убийца, который не убивает.

Она поела быстро, почти не чувствуя вкуса. Потом вышла в коридор.

Замок дышал. Под ногами вздрагивал камень, где-то глубоко внизу гудело, словно работали гигантские меха. Письмена на стенах, которые она заметила ночью, теперь казались чёткими — выцветшие линии складывались в знаки, которых она не узнавала. Древний язык. Или трещины.

— Ты не должна здесь ходить одна, — раздался голос справа.

Азраэль стоял в нише, скрестив руки на груди. Она не заметила его — он просто материализовался из темноты.

— Тогда ходи со мной, — ответила она. — Или покажи, куда можно идти.

Он смотрел на неё долго. Потом развернулся и пошёл впе-

рёд.

— Иди за мной. Только молчи.

Она пошла.

Они петляли по коридорам — вверх, вниз, через залы, которых Элина не запоминала. Замок менялся на глазах: только что здесь была лестница — через минуту её нет, вместо неё арка. Азраэль шёл уверенно, не глядя по сторонам, словно знал каждую каменную складку.

— Он слушается тебя? — спросила Элина. — Замок?

— Иногда. Когда хочет.

— А когда не хочет?

— Тогда умирают люди.

Библиотека оказалась огромной. Стеллажи уходили вверх на десяток метров, лестницы вились между ними как змеи. Книги — тысячи, десятки тысяч. В воздухе пахло пылью, пергаментом и чем-то сладковатым.

— Здесь всё, что осталось от моей цивилизации, — сказал он, останавливаясь у входа. — Изучай. Но не трогай книги в чёрных переплётах.

— А что в них?

— Проклятия, которые ты не захочешь прочитать.

Он ушёл. Элина осталась одна.

Она бродила между стеллажами, разглядывая корешки. Истории королевств, которых больше нет. Поэмы о богах, которым не молятся. Трактаты по магии, которая не работает.

На третьем стеллаже она нашла дневник. Кожаный переплёт, сломанная застёжка. Открыла на первой странице.

«Сегодня я стала его женой. Он сказал, что не помнит своего имени, и попросила называть его просто — Господин. Я согласна на всё, лишь бы он не уходил. Мне страшно без него. Замок воем по ночам».

Элина перевернула страницу.

«Он сказал, что моё сердце особенное. Что оно может разбить его проклятие. Я не знаю, что это значит, но я готова отдать ему всё».

Ещё страница — почерк становится нервным, торопливым.

«Я узнала правду. Адамантитовое сердце можно разрушить только кровью той, кто полюбит его по-настоящему. Если она прольёт кровь без любви — он умрёт. Если с любовью — станет человеком. Но есть ещё кое-что. Если она отдаст ему своё сердце — не метафорически, а буквально — он станет бессмертным человеком. А она умрёт».

Дневник принадлежал девушке по имени Мирабель. Последняя запись:

«Я скажу ему, что хочу отдать сердце. Но он не позволит — я знаю. Он слишком благороден для чудовища. Тогда я сделаю это тайно. На рассвете, когда он спит... Дверь открылась. Это не он. У него длинные пальцы, и он смеётся...»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.